

Вячеслав
ГОРДЕЕВ:

Я СКАЗАЛ ЗВЕЗДАМ БОЛЬШОГО:

ЗАСТАВЛЮ ВАС
РАБОТАТЬ

В театр возвращаются звезды, изгнанные при Григоровиче, - балетную труппу возглавил знаменитый танцовщик и хореограф, руководитель московского театра "Русский балет" Вячеслав Гордеев

Народный артист СССР Вячеслав Гордеев покинул Большой театр в 1989 году. Ведущему танцовщику, одному из самых высокооплачиваемых артистов труппы, не устроили даже прощального вечера. Просто отравили на пенсию.

Гордеев не остался без работы. В свое время одна из лучших балерин Большого Ирина Тихомирнова оставила ему небольшой ансамбль. В 1992 году после триумфальных гастролей по странам Европы Гордееву присужден приз "Лучший хореограф года". Во время гастролей в Германии труппе Гордеева был вручен "Золотой билет": их спектакли собрали более ста тысяч зрителей.

Вячеслав Михайлович, вы без раздумий приняли предложение стать главным балетмейстером Большого?

— У меня свой хороший театр. А это слишком серьезно — возглавить балет Большого. Конечно, я думал, но любовь к Большому перевесила все, и я благодарен Васильеву, при-

гласившему меня на эту должность

Говорят, не все артисты с восторгом восприняли ваш приход. А прима-балерина Надежда Павлова даже уволилась.

— По-моему, труппа встретила меня нормально. Хотя я сказал тяжелые вещи: заставляю вас работать. Без этого невозможно восстановить балет Большого. А Павлова уволилась еще до моего назначения.

Балетоманы до сих пор с ностальгией вспоминают вас с Павловой дуэт.

— Это был расцвет — нас все хотели видеть. Помню, в Уфе 8-тысячный комплекс пришлось охранять конной милицией: столько было желающих. В других городах то же самое происходило. А познакомились мы на конкурсе. Я был уже солистом Большого театра, станцевавший едва ли не весь репертуар. Павлова в шестнадцать лет получила Гран-при самого престижного балетного конкурса. Я был одним из тех, благодаря кому она по-

пала в Большой. Она действительно выдающаяся балерина.

И все же вы расстались не только на сцене, но и в жизни?

— Так случилось. По чьей инициативе — трудно сказать. Может быть, время пришло. Все-таки девять лет семейной жизни — это много...

Я знаю, что она писала заявление с просьбой отпустить работать в Португалию. Ей было тяжело в Большом, как и всем. Павлова попала в ту ситуацию, в которой могла оказаться с первого дня. Наш дуэт даже в самые звездные времена держали в черном теле, а уж потом и подавно.

Да, мы были явными премьерами Большого, танцевали все рождественские "Щелкунчики", премьеры, ездили много за рубеж... Но было и другое. Нас не раз приглашали в Вену, но в итоге ехал кто-то другой. А потом я узнавал — австрийским импресарио сообщали: Павлова рождает. И так случалось не раз. В Вене удивлялись все: она каждый год рождает, что ли?

На Кубу мы попали лишь после пятого приглашения Алисии Алонсо. На гастролях в Америке нас ставили четвертым составом, а если первым, то где-нибудь в Балтиморе. Около пяти лет о нашем дуэте не было ни одной публикации.

Неужели не помогало даже то, что вы являлись любимым дуэтом всеильного "первого" Москвы Гришина?

— Да, мы ему как бы нравились. И он действительно сыг-

рал в нашей творческой жизни значительную роль. Приглашал на праздничные концерты, на Дни культуры Москвы в Берлине, Софии. Это была хорошая реклама. И Демичев к нам хорошо относился. Но до определенной черты. Григорович никак не давал нам станцевать "Лебединое озеро". Не видел в нем Павлову. Может быть, в этом была какая-то доля правды. Но почему бы не дать попробовать?! Мы попросили Демичева посодействовать, а он отказал.

А откуды у наших вождей такая любовь к балету? Даже своих внуков все стремятся определить в балерины.

— Может быть, потому что это помпезное, красивое искусство, создающее некую сказку жизни.

Правда ли, что Михаил Горбачев рекламировал ваш "Русский балет" на гастролях в Германии?

— Он бывал на наших спектаклях, ему очень понравилось. Наш импресарио это использовал в рекламных буклетах.

Вячеслав Михайлович, вы, пожалуй, единственный из танцовщиков, кто вернулся на сцену после страшной травмы ноги?

— Это произошло в пик моей карьеры. Нас сильно нарузили — пять спектаклей "Спартак" подряд. А тут еще два концерта в Кремлевском Дворце съездов. На одном из них я и рухнул прямо на сцену. Павловой пришлось дотанцовывать одной. На следующий день труппа уехала на гастроли в Париж. Он для меня какой-то заклятый город. Я никак не мог поехать туда нормально: то травмы, то делали невыездным.

В театре на мне тут же поставили крест. Даже тех вра-

чей, которых я просил устроиться на спектакли, не принимали в директорской ложе. Но я знал, что еще не вечер. Через шесть месяцев после травмы я уже станцевал целый спектакль.

Вы не раз встречались с Нуриевым, Барышниковым, Годуновым. С теми, кто у нас тогда считался персонами нон грата. Как вам это сходило с рук, ведь в труппе всегда были казбисты?

— Я этого не скрывал, но и не афишировал. Видимо, в КГБ не читали светских хроник.

А каким был великий Нуриев, о нем столько легенд?

— Я с училища им бредил. А впервые с Нуриевым мы встретились в Лондоне. Одна из моих поклонниц инкогнито привезла меня к нему на репетицию. Я ожидал увидеть "глыбу", а передо мной был уставший после спектакля человек, очень ранимый. Другой жизни, кроме балета, у него не было.

А кто ваша жена?

— Пианистка. Мы жили в соседних домах, даже встречались, и ничего. А потом вот неожиданно поженились. Растет дочка. Я счастлив.

А ваш звездный час на сцене уже позади...

— Я отношусь к этому спокойно. Надо трезво смотреть. Если человек не может взглянуть на себя со стороны, увидеть хорошее и плохое, он становится смешным. Не хотелось бы оказаться в таком положении.

Не собираетесь еще выйти на сцену Большого?

— Думаю, что скоро я вообще покину сцену. Очень критически к себе отношусь. В балете, как нигде, видно, что ты и когда можешь.

Николай ЕФИМОВИЧ.
(Наш корр.).